

копиямъ и народнымъ пѣснямъ". Это чтеніе было собственно введеніемъ къ приготовлявшемуся Григоровичемъ изданію болгарскихъ пѣсенъ, собранныхъ имъ во время путешествія въ Румеліи. Въ отчетѣ объ этомъ докладѣ сообщенъ былъ для читателей казанской газеты русскій переводъ пяти болгарскихъ пѣсенъ. Нѣкоторыхъ моментовъ болгарской и сербской исторіи онъ коснулся впослѣдствіи и въ торжественныхъ рѣчахъ („О Борисѣ-Михаилѣ Болгарскомъ, праотцѣ славянского просвѣщенія"), и въ специальныхъ монографіяхъ („Сербія въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV ст.“) Не касаемся здѣсь специальныхъ его работъ въ области церковно-славянского языка и письменности, разсужденій о кириллицѣ и глаголицѣ и пр., имѣвшихъ по существу предмета небольшой кругъ читателей.

Съ развитіемъ нашихъ первыхъ каѳедръ славяновѣдѣнія усиливается русская научная дѣятельность въ разнообразныхъ направленіяхъ изученія Славянства. Отсюда истекаѣтъ естественный интересъ къ нему и въ нашей журнальной литературѣ, публицистикѣ, подъ вліяніемъ научныхъ работъ обращающейся все чаще и чаще къ вопросамъ славянскимъ. Дѣятели науки воспитывали въ нашемъ обществѣ вкусъ къ изученію и обсужденію вопросовъ, всегда имѣвшихъ большое жизненное значеніе для русского народа и государства; мы постепенно пріучались разбираться въ нихъ и понимать ихъ, и можно смѣло сказать, что въ тѣ великия минуты, когда жизнь выдвигала и ставила предъ русскимъ обществомъ проблемы обѣ отношения нашемъ къ Славянству, мы были въ достаточной мѣрѣ подготовлены къ ихъ разѣленію. Если славянское самосознаніе искони присуще было русскому просвѣщенному классу и постоянно обнаруживалось въ нашей литературѣ въ формахъ весьма разнообразныхъ, то истинное выраженіе свое оно нашло у насть и въ художественной литературѣ и въ общественныхъ проявленіяхъ только подъ вліяніемъ того отраднаго пробужденія, которое вызвала наша первая группа учителей—славяновѣдовъ съ ихъ плодотворной дѣятельностью на каѳедрахъ русскихъ университетовъ.

Прага Чешская, 1928.

Вл. Францевъ.